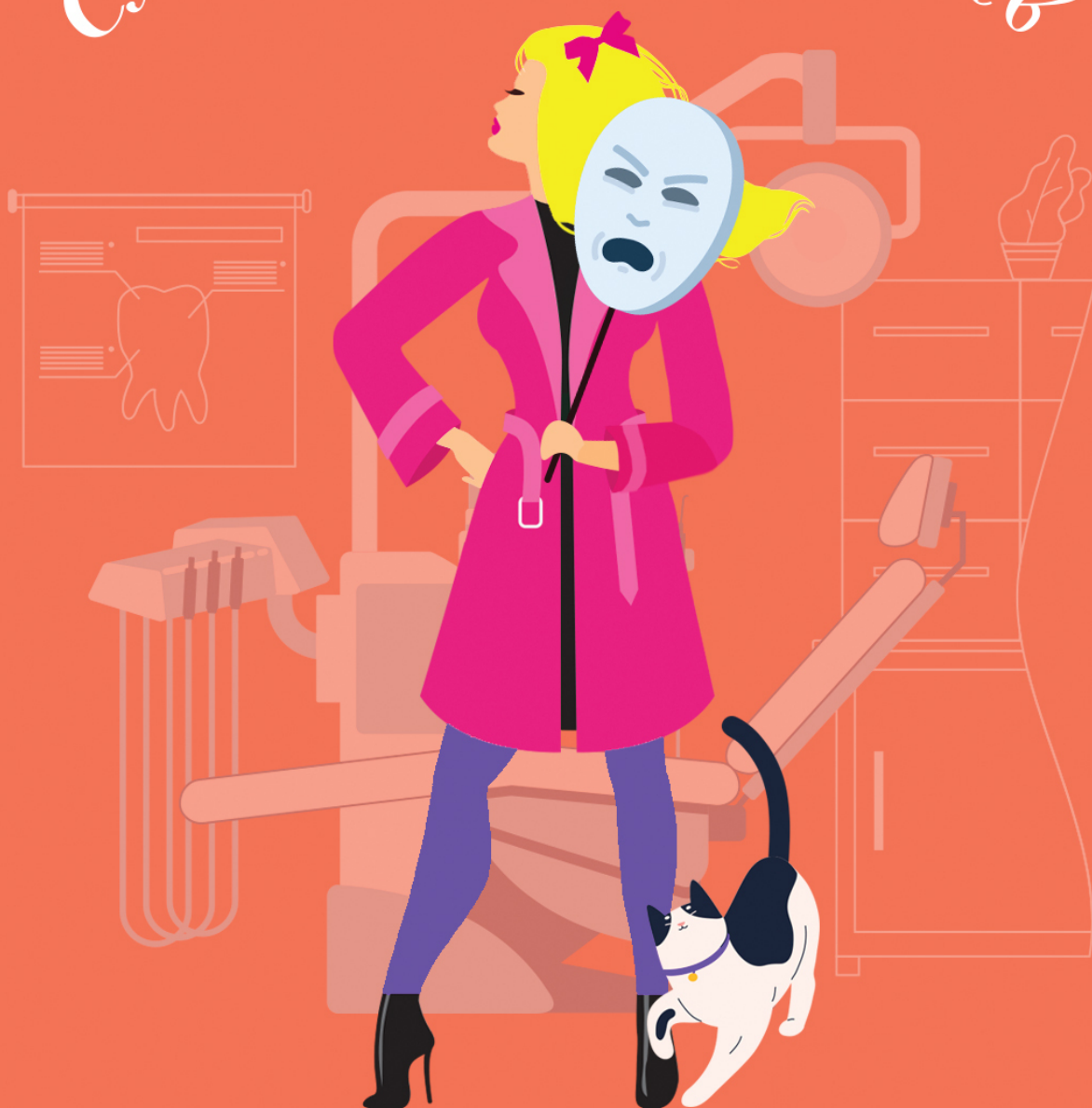

Смешной детектив

**Елена
Логунова**

Маска, я вас знаю!

Елена и Ирка

Елена Логунова

Маска, я вас знаю!

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Маска, я вас знаю! / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2023 — (Елена и Ирка)

ISBN 978-5-04-181301-7

Писательница Елена и ее боевая подружка Ирка снова в деле! Выходя от Лены, Ирка случайно попала в подвал и заметила там труп, любовно упакованный в синий мешок для мусора. Но, вернувшись туда вместе, подруги ничего не обнаружили! А вскоре в доме, где живет Лена, произошло несколько странных событий: соседи одновременно получили компромат на свои вторые половинки. В одной семье это закончилось трагически: бизнесмен Золотухин умер во время ссоры. Причиной смерти стал яд, которым оказался начинен зуб несчастного! Неужели это такой изощренный способ покончить с собой? Что-то подсказывает сыщикам: не все так просто! Бывшая тележурналистка, ныне писательница Лена и ее неунывающая подружка Ирка – героини многих иронических детективов Елены Логуновой. В ее остросюжетном романе «Маска, я вас знаю!» они снова берутся за свое! Ведь дамы просто жить не могут без криминальных приключений. Смешные детективы Елены Логуновой – это увлекательные интриги, веселые приключения и блестящий авторский юмор. Ее героини легко и изящно распутывают хитроумные преступления, всегда оставаясь самыми обаятельными и привлекательными! Эксклюзивные материалы специально для электронной книги!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181301-7

© Логунова Е. И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Логунова

Маска, я вас знаю!

© Логунова Е.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все началось с глупой странности, которую можно было бы назвать и странной глупостью.

Проходя по бульвару, Михаил Иванович Лосиков заметил нечто весьма необычное и очень раздражающее: по ходу его следования беспричинно моргали лампочками и трезвонили ожидающие туристов самокаты. Причем моргать и трезвонить эти олени городских ландшафтов начинали в момент приближения к ним Михаила Ивановича, по мере его удаления замолкая – и передавая эстафету таким же самокатам на следующем перекрестке. Даже на входе в тихий старый парк представление повторилось.

Поскольку ни вчера, ни раньше, ни даже полтора часа назад, когда Лосиков только вышел из дома, никакой дегенеративный транспорт иллюминацией и гимнами его не приветствовал, Михаил Иванович резонно рассудил, что за прошедшие 90 минут с ним произошла некая перемена, вызвавшая новую реакцию на него со стороны самокатов.

Какая именно – догадаться было несложно. Михаилу Ивановичу, во всяком случае, это труда не составило.

Больше часа из этих полутора Лосиков провел в частной стоматологической клинике «Белый клык», где ему поставили новую пломбу в коренной зуб.

Пломба была обширная. Материал ее производитель рекламировал как «ультрасовременный высокотехнологичный».

Лосиков решил, что ему в зуб запихнули миниатюрное устройство, тоже ультрасовременное и высокотехнологичное. Скорее всего, шпионское.

Клиника была российско-израильская. Лосиков, строго говоря, тоже: его мама происходила «из тех», папа – «из этих». «Из тех» была и бывшая любимая супруга Михаила Ивановича – незабвенная Фира, уже много лет обитающая с новым мужем в Хайфе. И, кстати, благоверный Фире вроде бы имел отношение к тамошним военизированным структурам.

Зачем новому мужу бывшей жены понадобилось оснащать челюстной аппарат Лосикова шпионской микротехникой, было неясно, но поощрять подобные действия Михаил Иванович не собирался. Внимательно оглядевшись, он быстро вычислил среди гуляющих в старом тихом парке наблюдателя: наверняка за ним следила во-он та рыжеволосая женщина на лавочке под липой! По мнению Михаила Ивановича, она вела себя крайне подозрительно: показательно игнорируя замершего Лосикова, что-то делала со снятой с ноги босоножкой.

Михаил Иванович уверенно предположил, что в невысоком квадратном каблучке тоже спрятана какая-то аппаратура, вероятно, связанная со шпионским устройством в зубе бдительного пенсионера и вышедшая из строя. Собственно, именно об этой поломке сигнализировали ему самокаты.

У одинокого старичка Михаила Ивановича было очень богатое воображение. Он применял его на литературном поприще, о чем широкая общественность, к сожалению, не знала. Писательский талант Лосикова еще не получил признания.

Михаил Иванович приблизился к лавочке, занятой рыжей женщиной, кстати, красивой, как все шпионки, хотя и с немодными нынче крупными формами. Он сел на свободный конец скамьи, кашлянул и вежливо произнес, идеально копируя незабываемые интонации бывшей супруги:

– Шалом, а вы же из Моссада, таки да? Как поживают дорогие Фира с Изей, век бы их не помнить?

– Дедуль, вы совершенно напрасно панамку не носите, – едва взглянув на него, заботливо сказала рыжеволосая. – У кого шевелюра есть, и тем сейчас головы напекает будь здоров, а вам бы особенно поберечься.

– Я таки не понял, мы будем обсуждать мой экстерьер или поговорим о деле? – обиделся Лосиков. – Просто скажите, у меня в зубе передатчик или маячок?

– Реально дикая жара, все вокруг одурели, – сказала женщина уже не Лосикову, а старой липе, выглядящей (в отличие от Михаила Ивановича) вполне нормальной.

И, нацепив на ногу свою неисправную шпионскую обувь, захромала по аллее прочь.

А Михаил Иванович остался сидеть и думать: избавился он от внимания Моссада или только обозлил спецагента – и теперь должен ожидать новых необычных неприятностей?

Однако размышления Лосикова не имели никакого значения. Свою роль в истории он уже выполнил.

Рыжеволосая женщина, из-за вмешательства Михаила Ивановича не успевшая приладить под новую обувь мозольный пластырь, изменила свои планы и направилась совсем не туда, куда собиралась.

Глава первая

В дверь позвонили, когда я задумчиво созерцала желто-розовый картофельный клубень, решая, надо ли его поскоблить – или чего возиться, лучше незатейливо сварить картошку в мундире?

– Сейчас, сейчас! – покричала я, приняв чье-то неожиданное появление за ответ небес: в мундире, конечно.

Не чистить же картошку, принимая незваного гостя.

Я побросала клубни в кастрюлю с водой, поставила ее на огонь и прошлепала в прихожую. Голый кафельный пол приятно охлаждал босые ноги. Близился сентябрь, но август никак не сдавал позиций, день за днем стабильно выкатывая обычные для краснодарского лета +40.

– Уф-ф-ф! – Ирка ввалилась в прохладный сумрак кондиционированной квартиры с плотно задернутыми шторами, шумно отдуваясь и пыхтя. Подъем на третий этаж без лифта по нынешней жаре – серьезное испытание. – Я передумала, тащи мои старые лапти!

Она бухнулась на лавочку в прихожей и стянула, кривясь и морщась, новые босоножки, которые надела всего-то четверть часа назад. Перед этим подруга сходила на шопинг в расположенный неподалеку торговый центр и ко мне заявила, чтобы похвастаться обновкой, переобуться и оставить на временное хранение прежние черевички.

– А я говорила тебе, в такую жару надевать новую обувь – самоубийство. – Я сходила на балкон, куда успела выставить оставленные подружкой разношенные сандалии, и вернула их переменной хозяйке.

– Водички дай, – попросила Ирка, обмахиваясь ладонью.

– Может, душ примешь? – предложила я, притащив ей ледяной минералки. – Потом полежишь немного и тогда уже поедешь, к вечеру попрохладнее станет.

– Нет, пойду. – Страдалица переобулась, сунула коробку с новыми босоножками под мышку и, отважно рванув на себя дверь, шагнула за порог. – Я же машину на платной парковке оставила, не дошла до нее, потому что ногу натерла, и не хочу за лишнее время платить. Все, адыю! На этот раз я ушла.

– Пока. – Я закрыла за ней дверь и вернулась на кухню.

Картошка варилась. Я вытащила из холодильника пару крупных розовых помидоров, огурец, болгарский перец, зелень... что еще? А, луковицу почистить!

Я уже взялась за нож, когда кто-то снова потребовал его впустить, на этот раз не звонком, а могучим ударом. Дверь содрогнулась, когда кто-то врезался в нее, как стенобитное орудие!

За первым ударом последовал второй, и я не стала медлить. Не спросив «Кто там?» и даже не посмотрев в глазок, просто распахнула дверь и резво посторонилась.

Ирка вломила в прихожую, как билась в дверь – боком, и сразу рухнула на скамью, выразительно помахав растопыренной пятерней перед открытым ртом. Я снова сбегала за холодной водичкой, дождалась, пока стакан опустеет, а подруга перестанет хрипеть, и спросила:

– Ты передумала? Холодный душ и сиеста?

– Да какая сиеста! Вечный сон! – обретя наконец дар речи, возбужденно заговорила Ирка. – Блин, и угораздило же меня... И зачем только я зашла в ваш подвал...

– Это ты зря, в самом деле, – встревожилась я, – недавно блох травили, там, наверное, до сих пор ужасно воняет ядовитой химией. И дохлые намекомые противно хрустят под подошвами.

– Дохлые намекомые? – саркастически повторила подруга. – Это явное преуменьшение. Идем, я покажу тебе... – Она с трудом поднялась и кособоко побрела на лестницу, маня меня

за собой с видом, одновременно интригующим и зловещим. – Идем, идем... ты должна это видеть...

Спорить было бесполезно – с Ирки стало бы вернуться и потащить меня силой, а это унижительно. Поэтому я вздохнула, сунула ноги в резиновые тапки для быстрых набегов к мусорному баку во дворе и поплелась за подругой. А на близких подступах к подвалу даже ускорила, потому что из темного проема приятно тянуло прохладой.

Стало понятно, почему Ирку занесло в подвал: она туда на автопилоте зарулила – поддавалась неконтролируемому желанию охладиться.

– Вот! – сказала подруга, пройдя по коридору с клетушками персональных кладовок метров десять. – Стоп... А где?

Она растерянно оглянулась на меня.

– Где – что? – благодушно уточнила я, наслаждаясь прохладой подземелья.

– Ну труп же, – нетерпеливо заозиралась подруга, и я подавилась воздухом.

– Какой труп?! – Я тоже заозиралась.

Ирка включила фонарик в смартфоне и поелозила голубым лучом по полу.

Трупов на нем было много.

Они лежали вповалку, скошенные ядохимикатами.

Ого, каким густонаселенным было наше общедомовое помещение! Милльон блох на квадратный метр. Левшу бы сюда, вот бы он разгулялся.

– Что значит – какой труп? – повторила подруга с необоснованной претензией. – Такой! Синий!

– Ты чего это придумываешь? – Я покрутила пальцем у виска. – У нас дом образцового содержания! Кто бы дал здесь какому-то трупу залежаться до посинения? Блох – и тех завтра Герасим выметет.

Герасим – это наш дворник. Ужасно разговорчивый, за работой со всеми вокруг беседует: с прохожими-мимоходящими, кошками, птичками, даже с собственной метлой. За что и прозван – в насмешку, конечно же, – именем своего немого коллеги из «Муму». Собачки у нашего Герасима, кстати, нет.

– Я неправильно выразилась. Синим был не сам труп, а мешок, в котором он помещался.

– Какой еще синий мешок?

Единственный синий мешок, припоминающийся мне, был из бархата и с серебряной вышивкой. С ним Дед Мороз к нам в детский сад на утренники приходил. Ох, давно это было...

– Большой, пластиковый. – Иркины фантазии оказались крайне далеки от новогодних. – Вернее, из непрозрачного полиэтилена.

– Ага! – Я подумала, что поймала ее на противоречии. – Если он был непрозрачный, как ты рассмотрела, что в нем труп?

– Так лицо изнутри отчетливо выпирало, туго обтянутое синей пленкой! – Подруга передернулась. – Жуть просто: глаза выпученные, нос, как клюв, и рот открытый, будто яма!

– Но ты же видишь, ничего такого тут нет. – Я повела рукой со смартфоном, тоже работающим в режиме осветительного прибора.

В коридоре было пусто, только у двери кладовки восемнадцатой квартиры, как обычно, громоздилась куча неопознаваемого хлама.

Там у нас живет одинокий пенсионер Артемов, в доме его называют Плюшкиным. Кладовку свою он забил так, что туда блоха не пролезет, и теперь норовит складировать свое сомнительное добро под дверь. Управдом Маринка из-за этого с ним регулярно ругается, пугает штрафом за нарушение пожарной безопасности. Плюшкин пугаться не спешит.

– Хочешь сказать, это мне голову напекло, что такая жуть примерещилась? – Ирка приложила ладонь ко лбу. – Да уж, действительно надо панамку носить... Хотя – нет, не может такого быть, ясно видела – это никакая не галлюцинация!

– Пойдем. – Я потянула ее к выходу из подвала. – Поговорим в комфортной обстановке. Мы поднялись в квартиру и устроились на кухне.

Картошка уже сварилась, салат я могла настругать за минуту, буженина стыла в холодильнике, но от обеда деморализованная подружка решительно отказалась, заявив, что сейчас кусок в горло не полезет. Я налила ей холодного компота и тоном доброго психоаналитика предложила «поговорить об этом».

– Итак, ты думаешь, что видела в нашем подвале мешок с трупом, – вкрадчиво начала я мягким бархатным голосом. – Но, когда мы обе спустились туда, его там не было. Куда же он, по-твоему, делся?

– Либо спрятан за дверь одной из кладовок, либо вынесен из подвала, – ответила Ирка без задержки.

Видно, сама уже об этом подумала.

– Спрятан или вынесен – всего за пять минут твоего отсутствия? Положим, да, затащить мешок в кладовку – минутное дело. А вот вынести...

Я посмотрела в окно. За ним был августовский полдень – практически мертвый час, когда все живое плашмя лежит в тени или под вентиляторами. Часов до шести, когда жара начнет спадать, жизнь в городе за пределами кондиционированных оазисов – квартир, офисов и дорогих иномарок – будет вялотекущей.

Можно ли среди бела дня в тихом старом центре вынести из подвала труп в мешке? Если речь о жарком летнем дне в Краснодаре, то мой ответ – да запросто!

Хоть десять мешков! Никто и не заметит. Все сами, как трупы, лежат под вентиляторами и сплитами.

– Зайдем с другой стороны, – предложила я. – Если труп с мешком вынесли из подвала, то куда именно? Не на помойку же?

– А кто его знает, надо бы заглянуть в ваши мусорные баки. – Подружка вскочила и перебежала из кухни в гостиную, окна которой выходят во двор. Остановившись у подоконника, она вытянула из своей сумки бинокль – у нее всегда имеются с собой такие полезные вещицы – и присмотрелась к площадке с контейнерами.

Те были пустыми и чистыми. Коммунальщики молодцы – в летнюю жару вывозят мусор дважды в день, так что он не успевает скапливаться.

– Еще вариант: мешок погрузили в машину и вывезли, – предложила другую версию подруга. – У вас же тут броуновское движение, то и дело кто-то заезжает-выезжает, и свои, и чужие.

В ее голосе отчетливо прозвучало недовольство.

Наш дом стоит рядом с историческим парком, у которого автостоянка небольшая и платная, поэтому желающие погулять по старинному городскому саду то и дело заруливают в наш двор в поисках парковки. Из-за этого самой Ирке поутру не нашлось места под моими окнами.

– Так или иначе, тот синий мешок если и был, то уже сплыл, – подытожила я. – Предлагаю забыть его, как страшный сон.

– Видимо, придется, – неохотно согласилась Ирка и засобиралась уходить.

Остаток дня и вечер у меня прошли спокойно, безмятежно. Ночью я тоже мирно спала, но в пять утра – небо едва посветлело – за окнами, алчно распахнутыми навстречу ночной прохладе, зашаркала метла и забубнил дворник.

В предрассветной тиши, нарушаемой только голосами птичек, ворчливый голос во дворе звучал отчетливо, как в театральном зале с хорошей акустикой.

– Вот люди, а? Удивительные существа, – доверительно делился Герасим с кем-то – должно быть, с совами. – Загадили двор мишурой и сухими еловыми иглами – летом! До авгу-

ста, стало быть, елку свою держали, чего ж до Нового года не дотянули, всего-то четыре месяца осталось!

Прикрывшись шторой, поскольку жаркой ночью была в наряде голой королевы, я высунулась в окно, с высоты третьего этажа оглядела двор и действительно увидела обрывки серебристых нитей новогоднего «дождика». Герасим сметал их и разноцветные кружочки конфетти в аккуратную кучку.

Уличный кот – вот кто был собеседником дворника! – внимательно наблюдал за его действиями с крыльца, явно намереваясь в финале процесса рухнуть сверху на заманчиво шевелящуюся и блестящую мишуру.

Представив, как разорется по этому поводу Герасим, я поспешила закрыть окна и включить кондиционер.

Под его негромкое монотонное гудение уснуть не получилось. Я лежала и вяло мыслила на заданную дворником философскую тему: «Вот люди, а?»

В самом деле, с кем я живу рядом? Ёлку они в августе разбирают, трупы в мешки запихивают...

Неожиданно блестящая догадка вспыхнула в мозгу, как бенгальский огонь.

Я снова вылезла из постели, завернулась в простыню и, утопав на кухню, чтобы не помешать спокойно спящим мужу и сыну, позвонила Ирке.

– Ты с ума сошла? Шестой час! – душераздирающе зевнула она мне в ухо.

– Совсем наоборот, – бодро ответила я ей несколько невпопад. – Спешу обрадовать: ты не сошла с ума! Вчера у нас кто-то выбросил новогоднюю ёлку и прочие атрибуты зимнего праздника, дворник сейчас сметает мишуру и конфетти. И я догадалась: то лицо в мешке – вовсе не труп!

– А что же? – В голосе подруги смешались надежда и скепсис.

– Маска! – торжествующе ответила я. – Карнавальная маска! Ее запихнули в мешок с другими новогодними прибабасами, а потом все вместе выбросили! Но, должно быть, не в нашем дворе, а в соседнем, в те контейнеры мы с тобой не заглядывали. А ночью поднялся ветер, легкую мишуру разнесло по окрестностям...

– Да какая маска?! – перебила меня Ирка. – Я что, по-твоему, карнавальных масок не видела? У меня каждый год то пара зайчиков, то сразу два Дарта Вейдера! – Она вспомнила новогоднюю экипировку своих близнецов. – Но это же было что-то жуткое!

– Не сомневаюсь, – согласилась я. – А ты посмотри в Интернете, как выглядит, к примеру, дико популярная у подростков карнавальная маска «Крик».

– Минутку.

Подружка отключилась и почти сразу же перезвонила мне.

Она недолго искала – маска «Крик» и впрямь ужасно популярна, поисковик по запросу мгновенно кучу картинок выдает.

– А ты права, дорогая! – Теперь в голосе звучало облегчение, смешанное с весельем. – Это очень похоже на то, что я видела! – Ирка засмеялась. – Фух, отлегло... Но если выяснится, кто этот затейник, избавляющийся от новогоднего хлама в августе, шепни мне его имя, пожалуйста. Я проведу с ним воспитательную работу.

– За Герасимом очередь занимай, – пошутила я в ответ.

Очень довольные найденным объяснением и друг другом, мы с подружкой распрощались.

Герасим уже навел порядок во дворе и пошел подметать аллею перед домом, с той стороны его бубнеж до меня не доносился, и я прекрасно поспала еще час-другой.

На работу-то мне ходить не нужно! Хо-хо! Я свободный писатель и вольнонаемный журналист, тружусь из любой точки мира в комфортном для себя режиме.

Кто понимает толк в реальных карьерных достижениях – оценит.

В восемь утра заверещала неизменно энергичная малышня в соседнем дворе – там место выгула ближайшего детского сада. У мелюзги началась утренняя зарядка, из-за чего у моего семейства случилась вынужденная побудка.

– На каких-то там утят быть похожими хотят, быть похожими хотят не все, не все, – с печальным смирением пробубнил в такт задорной мелодии Колян и попытался спрятать голову под подушкой.

И правда – не как утенок, а страус, я бы сказала.

В комнате у нашего условно мелкого что-то грохнуло – не иначе, товарищ сын сноровисто убрал постельные принадлежности в ящик для белья, и почти сразу в коридоре послышался бодрый юношеский голос:

– Доброе утро, котики мои! А что у нас на завтрак?

– Можно, я буду не котиком? – из-под подушки безнадежно поинтересовался супруг. – А еще немного останусь медведиком в спячке?

– Понедельник, – напомнила я, – пора становиться лошадкой и впрягаться в работу, – и вылезла из постели, чтобы заняться завтраком.

Зеленый салат, мягкий сыр, вяленое мясо, вареное яйцо, кефир, кофе – мужу. Овсянка с медом, йогурт, бутерброд с сыром, яйцо и чай – сыну. Творог со сметаной и малиной – мне.

Хорошо, что у нас нет домашних животных, так утомительно готовить каждому свой персональный завтрак!

Ирка позвонила, когда я мыла посуду после завершившейся трапезы и размышляла, можно ли как-то унифицировать питание всех членов семьи и при этом не вызвать локальный народный бунт.

– Ты помнишь, что в десять у нас встреча в «Булках с маком»? – спросила Ирка, деловито почавкивая. Видно, тоже торопилась закрыть тему завтрака. – Клиент имеет привычку опаздывать, но лучше на это не рассчитывать. Ты как, успеваешь?

Моя лучшая подруга – бизнесумен и поэтесса. Кошмарное сочетание.

Пишет она так себе, а на поэзию нынче спрос невелик, так что серьезные издательства произведения Ирэны Макс упорно не берут. Узок круг ее читателей, страшно далека она от народа, чем весьма тяготится, но, в отличие от других непризнанных авторов, не ноет беспомощно, а делает все возможное для того, чтобы изменить ситуацию.

Выход подруга нашла простой: она собирает таких же графо... ой, извините – непризнанных гениев, и они вскладчину выпускают сборник своих бессмертных стихов за собственный счет. А я в этих проектах выступаю литературным редактором, причем бесплатно, по долгу дружбы и из чистого гуманизма. Просто потому, что было бы слишком жестоко выдавать на публику шедевры Ирэны Макс и Компании в первозданном виде. Это же настоящее оружие массового поражения умеющих читать.

В «Булках с маком» мы должны были встретиться с какой-то дамой-чиновницей, вдохновенно кропающей любовные вирши. Ирка возлагала на нее большие надежды: чиновница с легкостью могла в одиночку оплатить все расходы на печать, но страшилась дебютировать с сольным проектом, предпочитая командное выступление. Нужно было убедить ее денег дать побольше, а места в сборнике занять поменьше. Я уже имела сомнительное счастье ознакомиться с творчеством пишущей дамы и понимала: ее поэзию можно без вреда для здоровья принимать только в гомеопатических дозах.

Пообещав подруге, что успею в «Булки» к назначенному времени, я поспешила привести себя в порядок и собраться к выходу. В итоге к назначенному сроку я успела, дама, как ожидалось, опоздала, а Ирка явилась даже с некоторым опережением графика и успела заказать нам с ней кофе.

Мы как раз раздумывали, не съесть ли по пирожному, когда на свободный стул за нашим столиком рухнуло как подкошенное тело в белом.

Но не чиновница, которую мы ждали, а наш общий знакомый Роман Оберман, больше известный в профессиональных кругах как Рома Обормот.

Он фотограф, раньше работал в СМИ, а потом, когда коронавирус спровоцировал тотальное сокращение штата в газетах и интернет-изданиях, нашел себя в неожиданном месте – в правоохранительных органах. Там тоже всегда нужны фотографы, только снимают они обычно не живую натуру, а мертвую.

– Боже, боже, что за жизнь пошла! – душераздирающе вздохнул Обормот и прикрыл лицо ладонью, в щелочку разведенных пальцев внимательно наблюдая за нашей реакцией.

– Здравствуй, Рома, что случилось? – повелась на представление Ирка.

Она обожает мелодрамы.

– То есть что еще, кроме ста пакетов санкций, инфляции и падения всего подряд на финансовых рынках? – невозмутимо поинтересовалась я и глотнула кофе.

Рома через амбразуру растопыренной ладони стрельнул в меня недовольным взглядом и с готовностью развернулся к более благодарному слушателю – Ирке.

– У нас в городе завелся маньяк, – объявил он, открыв лицо, чтобы иметь возможность выразительно гримасничать.

– Сексуальный? – оживилась подруга, отставив стакан.

– Нет! Просто серийный убийца. – Обормот помотал головой и с нарочитым сомнением взглянул на Ирку. – Ты уверена, что хочешь это знать?

– Конечно! – ответила та, заметно заинтригованная. И, поймав мой укоризненный взгляд, поспешила оправдаться: – Не из пустого любопытства, разумеется, а просто потому, что кто предупрежден – тот вооружен. Какой маньяк, что делает, как заявил о себе?

– Решительно, – ответил Обормот и зачем-то посмотрел на наручный хронометр. – За сутки – две жертвы. Сначала женщина, потом мужчина. То есть нашли сначала ее, потом его, а уж в какой последовательности он их... того... как у нас говорят, покажет экспертиза.

Меньше всего прекрасным летним утром за чашкой вкусного кофе мне хотелось говорить о серийном убийце, который кого-то... того.

Но я не успела придумать, как бы изящно и непринужденно сменить тему, а Ирка охотно включилась в предложенный разговор. Ей обязательно нужно было знать:

– И как он их... того?

– Ужасно! – подавшись к ней, доверительно шепнул Обормот. – Во всяком случае, результат смотрится просто жутко, режиссеры голливудских страшилок курят в сторонке. Он задушил их!

Прозвучало не слишком пугающе. После анонса я ожидала чего-то действительно кошмарного и притом оригинального. А «задушил» – это мы еще на первом курсе филфака проходили: трагедия Шекспира «Отелло», пятый акт, вторая сцена. Хотя в итоге бедняжка Дездемона не от удушения умерла, а от удара кинжалом...

– Задушил – и что? – Ирке тоже этого показалось мало.

– А ты видела, как выглядит человек, задохнувшийся в натянутом на голову пакете? – Обормот обиделся, что их обоих не оценили: его как рассказчика и душителя как маньяка. – А я тебе покажу!

Что-то мне подсказывало: полицейский фотограф не вправе демонстрировать штатской публике свои работы, сделанные на месте преступления, но разве остановишь амбициозного автора, жаждущего признания?

Обормот шваркнул на столик смартфон, потыкал в него пальцем, полистал картинку и зафиксировался на нужной:

– Вот!

Ирка смотрела так долго, что я заволновалась. А когда подруга подняла на меня хмурый взгляд, почти струхнула.

Выражение лица у Ирки было пугающее. Не настолько, чтобы режиссеры голливудских ужастиков массово побежали на перекур, но всё же...

– Что? – коротко спросила я и вытянула шею.

Обормот услужливо развернул ко мне смартфон, чтобы снимок был не вверх ногами.

Хотя ноги на фото не попали.

Выразительный кадр представлял собой крупный план лица.

Бледного, заостренного, с выпученными глазами, носом-клювом и провалом широко открытого рта.

– Маска «Крик», говоришь? – съязвила Ирка и постучала пальцем по экрану смартфона. – Однако невеселый карнавал получается!

– Может, это не он, – пробормотала я, прекрасно понимая, на что намекает подруга. – Или не она... Рома, кто это вообще?

– Вообще – труп, – довольным голосом насытившегося эмоционального вампира ответил фотограф и убрал в карман смартфон. – А частности не подлежат разглашению. Вы же понимаете, тайна следствия и все такое прочее. Ладно, дамы, мне пора! Наша служба и опасна, и трудна...

Вскочив со стула, воспрянувший духом Обормот бодро протопал к выходу.

– Убила бы, – проводив его взглядом, беспомощно сказала Ирка. – Вот где теперь информацию искать?

– Можно в криминальной хронике, – я принялась загибать пальцы, – или в полицейских сводках, у меня есть приятельница в пресс-службе ГУВД, или... – Я посмотрела на подругу с намеком.

– Чур, ты звонишь! – быстро сказала она, угадав мою мысль.

– Почему я? Это ты видела тот мешок!

– А ты живешь в том доме, где я видела тот мешок, значит, тебя это ситуация особенно близко касается!

– Логично, – признала я, обдумав этот довод, и потянулась за мобильным. – Значит, так и скажу ему...

– Здравствуйте, здравствуйте, рада вас видеть, прошу прощения за опоздание, дела, дела... – На стул, который своевременно освободил Обормот, опустилась дама в костюме цвета молочного поросенка.

Укороченные брючки ей были тесноваты, а пиджак и вовсе трещал по швам, угрожая произвести контрольный выстрел пуговицей, поэтому я осмотрительно сдвинулась с линии огня. Пусть эту опасность грудью встретит Ирка, для нее это будет не смертельно.

С таким бюстом, как у моей подруги, в горячих точках можно спокойно пренебрегать бронезилетом. Увы, не могу похвастаться тем же.

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогая Анна Игнатьевна, – заворковала Ирка. – Ну конечно, мы понимаем, как вы заняты...

И в атмосфере взаимопонимания мы перешли к обсуждению планов относительно нового поэтического сборника.

А к прозаической теме трупов в упаковке и без таковой вернулись минут через сорок, уже распрощавшись с дорогой Анной Игнатьевной.

Позвонив полковнику Лазарчуку, я рассказала ему о подозрительном мешке, увиденном Иркой в нашем подвале, и закончила риторическим вопросом:

– И как, по-твоему, я теперь смогу спокойно спать, зная, что в нашем доме кого-то убили?!

Я выплеснула в трубку точно выверенную порцию негодования и вопросительно посмотрела на Ирку. Убедительно прозвучало, нет?

Подруга беззвучно поаплодировала, одобряя.

– Почему обязательно в вашем доме? – устало отбивался от меня полковник Лазарчук. – Убить могли и в другом, а в ваш просто принесли труп. И потом унесли...

– Вот успокойся! Я же теперь буду с подозрением присматриваться ко всем сумкам и рюкзакам своих соседей!

– Ну, в сумку целый труп не поместится...

– Тем более!

– Так, давай-ка с самого начала и по пунктам. – Полковник в трубке собрался. – На данный момент нет никаких оснований считать, что в том вашем мешке было мертвое тело. Карнавальная маска – это гораздо больше похоже на правду. Тех жертв серийного убийцы, о которых вам кто-то разболтал, кстати, найду это трепло – уволю на... навсегда.

– Не отвлекайся, – попросила я. – Тех жертв серийного убийцы – что дальше?

– Их нашли не в твоём районе, а на другом конце города – в пруду у НИИ рисоводства.

– Они утонули?

– Смеешься? Там курица не утонет, воды всего по колено, но камыши по берегам знатные, вот там тела и нашли. Голые, босые, естественно, без всяких личных вещей. И...

Тут полковник спохватился, что выдает мне слишком много закрытой информации, и замолчал, а после короткой паузы резко свернул разговор:

– И не суйтесь в это дело, пожалуйста, вас оно никак не касается.

Я не успела возразить – он положил трубку.

– «Вас это никак не касается!» – передразнила Лазарчука недовольная Ирка.

Она прекрасно слышала весь разговор, потому что я включила громкую связь.

Конечно, с учетом деликатной темы беседу мы вели уже не в кафе, где полно посетителей, а на уединенной лавочке в парке. Солнце – сияющий серебряный гвоздь в небосводе – стояло в зените, слегка дрожала на аллее кружевная тень ветвистых деревьев, приятный ветерок шевелил траву и листья, пышно цвели розы, мелодично щебетали птички – прекрасное место и время, чтобы поговорить о серийных убийствах.

– Как нас, ответственных граждан, не безразличных к судьбам Родины, может не волновать столь вопиющий факт?! – спросила подруга богатый розовый куст и потянулась, чтобы его понюхать. – М-м-м-м... Это Isaac Pereire – одна из самых ароматных роз, ты знаешь, что из ее лепестков с запахом малины даже варят варенье?

Я не поленилась встать, подойти к кусту и понюхать бордовый цветок.

– И правда пахнет малиной... Но не нагнетай, судьбы Родины тут ни при чем. – Я вернулась на лавку. – Я правду сказала, меня беспокоит тот факт, что кто-то из жильцов моего дома может быть замешан в истории с убийством. Мне не хотелось бы терзаться подозрениями...

– Поэтому лучше все выяснить, – легко согласилась Ирка. Она не скучный полицейский полковник Лазарчук, ее не нужно уговаривать. – Ну, так с чего начнем?

Глава вторая

Марина Лосева стояла на въезде в наш двор, меж массивных квадратных колонн, к которым когда-то крепился прочный кованый забор. В девяностые его какие-то ушлые граждане под покровом ночи уперли и сдали на металлолом. С тех пор въезд в наш уютный старый двор открыт всем ветрам, бомзам и жлобам, не желающим платить за парковку в отведенном для этого месте.

Маринка как управдом уже несколько раз пыталась уговорить жильцов дома скинуться и установить шлагбаум, но на это всем денег жалко. У нас же номенклатурная сталинка, помещения просторные, потолки высокие, а квартир всего-то две дюжины. Дорого получается, даже если на всех раскидывать.

Выбранная Маринкой позиция, а также лист бумаги и стило в руках наводили на неприятную мысль об очередной попытке сбора денег. Я попыталась, прячась за плющом и вьюнками, прошмыгнуть в калитку справа от отсутствующих ворот, но бдительная Лосева меня заметила, метнулась наперерез и изловила уже во дворе.

– Стой, кто идет!

– Привет, Мара, – вздохнула я, покоряясь. – Что опять?

– Скидываемся на Герасима. – Лосева потрясла бумагой – та предсказуемо оказалась списком, кое-где уже декорированным аккуратными галочками.

– Он умер?! – Я ужаснулась.

Маринка меня успокоила:

– Наоборот. У него скоро день рождения, вот, собираем на подарок.

– Это что-то новенькое. – Я потянула из рук управдомши бумагу и посмотрела, кто уже сделал пожертвование. – Прежде мы дворников так не баловали.

– И потому теряли их с огорчительной регулярностью, – напомнила Лосева.

Это правда, труженики совка и метлы не любят наш участок. Отчасти из-за бабки Плужниковой, которая вечно швыряет с балкона на третьем этаже мелкий мусор, бомбардируя фруктовыми косточками, яблочными огрызками и иными снарядами появляющихся во дворе посторонних. Рывкает: «Ходить тут всякие!» – и прицельно бросает свои объедки. Зрение у старушки в возрасте под девяносто слабое, а память и того хуже, так что своих от чужих она не отличает. В результате страдают все, особенно дворники.

Кроме того, из-за отсутствия ворот во двор регулярно заглядывают бомжи, а те имеют обыкновение копать в мусорных баках и делают это не слишком аккуратно.

И, наконец, главное: деревья. Вблизи нашего старого дома их много. Огромный тополь в начале лета засыпает весь двор толстым слоем пуха, под шелковицей на асфальте образуется огромное чернильное пятно, абрикосы щедро украшают двор яркими рыжими кляксами, а есть же еще старые раскидистые липы! Целая аллея вдоль фасада. Цветущие липы упоительно пахнут, но желтой пыльцы с них осыпается столько, что сгребать ее приходится совковыми лопатами. А по осени все деревья сбрасывают листву, и опять дворник машет своим инструментом, не разгибаясь.

Короче, непростой у нас участок. Перефразируя известную пословицу: что жильцу хорошо, то дворнику – смерть. И мы уже многих потеряли.

– Мне позвонила приятельница из РЭПа, предупредила, что Герасим просит дать ему другой участок, – озабоченно сказала Маринка. – Думаю, это его вчерашняя мишура доканала. Виданое ли дело – в августе новогодний мусор убирать! Узнать бы, кто у нас такой затейник, и заставить перед дворником извиниться.

– Есть предположения?

Личность хозяина разбросанного новогоднего барахла меня тоже заинтересовала.

Хотелось выяснить, был ли на самом деле мешок с карнавальной маской «Крик» или права Ирка: она видела небрежно упакованный труп.

– Точно могу сказать, что это не я, не ты, не бабка Плужникова, не Чельшевы и не жилец Ребровых, – сказала Маринка и сразу же объяснила свои выводы: – Насчет себя я твердо знаю, что ничего такого не выбрасывала, а ты свою елку сразу после старого Нового года разобрала, но до помойки не донесла: я видела в окно, ее увезла твоя подруга на джипе... Кстати, зачем?

– Это был смелый экологический эксперимент. Ирка где-то прочитала, что в Германии после Рождества специальная команда собирает выброшенные елки, высаживает их в землю. Некоторые снова пускают корни и прирастают.

– И?

– Моя не приросла.

– Жаль. Но я продолжу: бабка Плужникова, если бы ей нужно было избавиться от мишуры и прочего, запулила бы все с балкона, ты же знаешь, это ее традиционный способ избавляться от мусора...

Я вдруг подумала: «Может, девяностолетней старухе просто трудно лишний раз спуститься с третьего этажа, поэтому она не носит свой мусор на помойку?»

Стало немного стыдно за невнимание к старой соседке.

– Что касается Чельшевых, то они на все зимние праздники уезжали к родственникам в деревню, и я помню, как Катька радовалась, что ей удастся сэкономить на новогоднем украшении интерьера, – продолжила Маринка. Она такая – обстоятельная. Можно даже сказать – занудная. – А жилец Ребровых, как его там? Антон, что ли. Или Артем...

Я подняла одну бровь. Показалось странным, что Маринка не знает имя точно.

У нее, вообще-то, есть досье на всех жильцов, я сама видела ветхие картонные папки, заведенные кем-то – точно не самой Маринкой, она тогда еще и не родилась – в 1954 году, когда наш дом только заселялся.

Хотя Антон или Артем у нас тут наверняка не прописан, он снимает квартиру у пенсионеров Ребровых, которые несколько лет назад переселились за город.

– Он точно не выбросил бы мусор так неаккуратно, – договорила Маринка.

Я подняла вторую бровь и дополнила миманс вопросом:

– Откуда такая святая вера в аккуратность мужика, которого ты даже по имени уверенно назвать не можешь?

– Ну привет! – Маринка всплеснула руками, едва не упустив бумажку со списком – был бы еще один плевок в ранимую душу дворника. – Ты разве забыла историю той квартиры?

Я помотала головой – как такое забудешь!

Двушка Ребровых находится на первом этаже в третьем подъезде. Вообще-то в доме по две квартиры на каждом этаже, но у Ребровых вовсе нет соседей, потому что трешку рядом с ними лет пять назад продали под коммерцию – там теперь «Оптика» со входом с фасада. Свое тихое уютное жилище пенсионеры Ребровы сдали приличной с виду одинокой даме, а та, не спросив согласия хозяев, устроила в квартире кошачий питомник. Это выяснилось, только когда дама загремела в больницу с ковидом, а оставшиеся без присмотра и кормежки мейн-куны в количестве двенадцати наглых мохнатых морд подняли такой шум, что его услышали в квартире через стену – в четвертом подъезде. Пришлось вызывать участкового и МЧС, ломать дверь, ловить всем двором озверевших котеек... Веселый был денек, такое не забывается.

– Бедняги Ребровы потом полгода квартиру сдать не могли, такая вонь там стояла, – поморщилась Маринка. – И с этим Артемом или Антоном договорились, что он в счет оплаты сделает ремонт. Он там и пол поменял, и стены до кирпича ободрал, потом заново отштукатурил, но главное – мусор строительный весь до пылинки упаковал в мешки и вывез, как это, вообще-то, и положено, специальной машиной. Поэтому в его аккуратности я не сомне-

ваюсь... Так ты сдаешь на Герасима? – К сожалению, оправдомша все-таки вспомнила, с чего мы начали.

– Сколько?

– Сколько не жалко. Мы с Семой пятьсот дали, кто-то по триста, а Золотухин с барского плеча – целую тысячу.

– Ну, я не буржуин, как Золотухин. – Я вынула из сумки кошелек и, подумав, достала из него купюру. – Пусть будет пятьсот. Неохота опять от твоих субботников уклоняться, утомительно очень.

В прошлый раз, когда нас безвременно покинул очередной дворник, Маринка затерроризировала жильцов, организуя регулярные сеансы коллективной уборки.

– Прекрасно. – Лосева спрятала денежку в карман. – Постепенно набирается приличная сумма, надеюсь, Герасим это оценит.

Я кивнула и пошла к себе, а Маринка осталась на своем посту в воротах, но часа через полтора опять напомнила о себе телефонным звонком.

– Что еще? – спросила я настороженно: частота коммуникаций не сулила ничего хорошего.

Управдом – это персона, которая у меня четко ассоциируется с разнообразными бытовыми неприятностями.

– Хочу посоветоваться. – Маринка была задумчива. – Пресловутый Артем или Антон куда-то запропастился...

– Его и так не видно и не слышно было, – напомнила я.

– Да, но за квартиру он Ребровым всегда платил исправно, день в день. А тут просрочил, должен был прислать деньги вчера еще... И Инга Трофимовна встревожилась – сама понимаешь, после той истории с кошачьей фермой старушка боится новых проблем. До своего жилья она не дозвонилась и попросила меня сходить проверить, все ли в порядке с квартирой, но там закрыто, видимо, Антон-Артем отсутствует. А мне неудобно туда-сюда бегать со своего верхнего этажа на нижний в соседний подъезд, и я подумала оставить ему записку, чтобы он, когда появится, зашел ко мне или позвонил...

– И в чем проблема? У тебя закончилась бумага, вся на списки ушла? – не удержалась от шпильки я.

– Нет, просто не знаю, как вежливо обратиться к человеку, чье имя не помню, – призналась Маринка. – Не писать же: «Уважаемый Антон, в скобках – Артем» или «Гражданин Антон, он же Артем». Придумай что-нибудь изящное, ты ведь училась на филфаке...

– Мы вместе там учились, – напомнила я, но постаралась придумать. – Не зная имени, ничего душевного, конечно, не напишешь, но ты же не любовное послание сочинишь, можешь обратиться официально: «Уважаемый квартиросъемщик».

– О! Точно! Спасибо! – Маринка отключилась.

А я вернулась на диван, который еще в период локдауна постановила считать идеальным рабочим местом писателя-редактора-копирайтера, и минут пять яростно правила очередную графоманскую рукопись.

Прислали мне недавно на редактуру такое чудо чудное, диво дивное – фантастический роман про боестолкновения наших с пришельцами, удивляющий не столько сюжетом, столько вопиющей безграмотностью автора.

Такое чувство, будто текст Чужой писал! На каждом шагу перлы-загадки: кок рас, иди от суда, не кто не каму, или мент (это «элемент», как выяснилось).

Я долго гадала, как понять: «Оставлю тебя пака». Оставлю тебя, пока? Оставлю тебя пока? Спасибо, на следующей странице нашла подсказку в сцене прощания: «Пака-пака!» Потом зависла над описанием боя с пришельцами, где герой «упал напал». Упал, а потом

напал? Или «напал» – это напалм? Поняла, что это «на пол», когда рядом с героем его боевая подруга «облокотилась о стену и скотилась напал».

Ох, нелегка жизнь литературного редактора! Порой так хочется попросить: «Дорогие авторы! Пожалуйста, не отключайте встроенную проверку орфографии, пока не получите свою первую Нобелевку по литературе! Потом-то и ошибки сойдут за изыски, но ПАКА РАНА! Редактор может СКОТИТЬСЯ НАПАЛ!»

На очередном ребусе я плотно забуксовала. Некоторое время смотрела на загадочное слово «скойкех», как египтолог Шампольон на иероглифы Розетского камня, а потом закрыла макбук и потянулась к смартфону. Он у меня под боком лежал, слева, а справа – беспроводная мышка. Красивая такая симметрия.

– Мне сейчас неудобно говорить, я тут мульчирую, – скороговоркой пробормотала Ирка в трубке и тут же отключилась.

– Мульчирует она, – повторила я с досадой. – Там.

Можно подумать, если я тут не мульчирую (кстати, что это значит?), то вообще ничем дельным не занимаюсь. А я занимаюсь! Я мыслю. Предпочла бы потупить в такую жару, да кто ж позволит.

Вот безответственный квартиросъемщик Антон-Артем, что он творит? Пропал куда-то. Когда, почему, как? Уж не покинул ли наш условно милый дом образцового содержания в синем пластиковом мешке?

– Да, совпадение нехорошее, – выслушав меня после завершения процесса мульчирования, в чем бы он ни заключался, согласилась Ирка. – Вопрос в том, насколько основательно пропал этот ваш Антон-Артем. Может, он уже и не жилец... во всех смыслах. А может, мужик просто прячется от Ребровых, потому что денег им задолжал. Найдет, чем за квартиру заплатить, и объявится. А есть его фото?

– Да откуда? – ответила я машинально, а потом вспомнила: – Хотя... Погоди, нужно в телефоне посмотреть, перезвоню.

Минувшей весной, когда жильцы нашего дома в очередной раз страдали от безвременной утраты дворника, Маринка выцарапала всех на субботник и, чтобы как-то поднять настроение угрюмым людям с вениками и совками, устроила фотосессию. Потом прислала в Вотсап подборку кадров, и некоторые были откровенно уморительные. К примеру, гламурная супруга нашего богача Золотухина белила деревце, от усердия высунув кончик языка. А этот самый Антон, который, возможно, Артем, дырявил деревянным колышком землю на клумбе, делая аккуратные ямки для цветочной рассады, с таким зверским видом, как будто убивал вампиров.

Ну не могла я такие веселые картинки не сохранить!

Я порылась в куче фоток в смартфоне и нашла там два снимка Антона-Артема. На одном он был запечатлен в процессе работы, а на другом уже специально позировал с испачканным сырой землей колышком и подобающей гримасой.

Я переслала эти фотографии Ирке, и вскоре она мне позвонила.

– Даже не знаю... Какое-то сходство есть...

– Глаза вытаращены, рот раззявлен, – я перечислила общее. В роли убийцы вампиров Антон-Артем выглядел страшновато, не имелось у него героической красоты киношного Ван Хельсинга. – С такой гримасой кто угодно будет похож.

На кого – говорить не стала. Ясно же, что речь о том, чье мертвое лицо можно было спутать с маской «Крик».

– Но это не он, – с сожалением договорила подруга. – Не тот, кто на фото Обормота. У того, я заметила, на щеке что-то темное было – то ли небольшое родимое пятно, то ли крупная родинка...

– То ли мелкая пиявка, то ли соринка прилипшая, – перебила я. – Лазарчук же сказал: трупы выловили из пруда! Их вряд ли умывали и прихорашивали для полицейской фотосъемки.

– Это верно, – согласилась подруга и замолчала, призадумавшись. – Может, сообщим нашему другу полковнику об исчезновении Антона-Артема? Логическая связь четкая: он пропал, а труп в мешке появился!

– И исчез, – напомнила я. – А нет тела – нет дела, так любит повторять наш друг полковник.

– Но есть же тело! Даже два! Те, что из пруда, – напомнила Ирка.

– А как их связать с нашими пропавшими?

– Почему во множественном числе? Пропал еще кто-то, кроме Антона-Артема?

– Да труп же в мешке!

– А! Точно... Да, как бы их связать? – В трубке послышался скрежет – не иначе, подруга энергично почесала голову. – Вот, если бы на трупе из пруда нашли обрывки мишуры или серпантина...

– Эврика!!! – Меня вдруг озарило. – погоди, я отключусь ненадолго, нужно кое-кому позвонить и кое-что проверить.

– А потом сразу мне! – поставила условие любопытная подруга и освободила линию.

– Я же сказал – не лезьте! – без всяких там «здрасьте» рявкнул в трубку Лазарчук, едва увидев мой номер.

– Удивительный ты все-таки человек, Сереженька, – произнесла я восторженно-льстиво. – Умешь мысли читать и события предугадывать! Скажи, а прошлое так же открыто твоему пронзительному взору?

– Насколько далекое? – невольно заинтересовался Лазарчук.

– Ну, я не знаю, когда те трупы в озере нашли? Вчера?

– В пруду, а не в озере. В чем суть вопроса?

– Скажи-ка, а не было ли на щеке у жертвы маленькой такой аппликации в виде бумажного кружочка? – Я заговорила нормальным деловитым голосом.

– Откуда знаешь? – помолчав, спросил Лазарчук.

– То есть была? Ла-ла-ла! – Я обрадовалась, но от ответа на неудобный прямой вопрос увернулась – не хотелось сдавать фотографа. Обороток он, конечно, но гневливый полковник его и уволить может, а работу в наше время найти непросто. – Тогда слушай сюда. Как говорят наперсточники, следи за руками...

– Вот-вот, подходяще ты себя определяешь, – ввернул ехидный мент.

– Не болтай, ты слушай! Насчет того мешка предположительно с трупом, который Ирка вчера видела в нашем подвале: мы почему подумали, что там была карнавальная маска «Крик»? Вчера же в нашем дворе появился необычный для этого времени года мусор: мишура, серпантин и – внимание! – конфетти. А как выглядит конфетти, ты еще не забыл?

– Такая мелкая блестящая фигня? – неуверенно ответил полковник.

Закоренелый холостяк, что с него взять? Никакого представления о традиционных семейных праздниках.

– Да нет же! Мелкая блестящая фигня – это содержимое хлопушек, а обычные конфетти – маленькие бумажные кружочки! Как из-под офисного дырокола, только разноцветные, сечешь?

– Ты намекаешь, что на щеке жертвы была конфеття... конфеттю... тьфу ты, как правильно-то будет?

– Правильно будет не игнорировать подсказки добрых и умных людей, с которыми тебе посчастливилось состоять в теплых дружеских отношениях, – ласково посоветовала я. – Пока, Сереженька! Лови маньяка.

Изящно уязвив полковника, я тут же перезвонила Ирке, пересказала ей наш разговор и предположила:

– Теперь полиция никуда не денется, поищет нашего пропавшего Антона-Артема.

– А если он к этой истории с трупами в конфетти не имеет никакого отношения? – запоздало засомневалась подруга. – Он, может, своими личными делами занимается, к примеру, у любимой женщины ночует, а мы на него полицию натравим. Негуманно это.

– А гуманно задерживать оплату за жилье малоимущим старикам-пенсионерам? – парировала я. – Сам виноват. Если жив, конечно. А если нет, то хуже ему точно не будет.

– Логично, – согласилась подруга и заторопилась: – Тогда пока, звони мне в случае развития событий. У меня как раз бульон готов, пора борщ варить.

Борщ не борщ, а кашу мы заварили ту еще!

Вдруг, откуда ни возьмись, явился участковый, постучался в квартиру, арендуемую Антоном-Артемом, нашел оставленную управдомшей записку, поднялся к Лосевым и вместе с Маринкой прогулялся по подвалу.

– Расспрашивал о квартиранте Реброве и почему-то о нашем дворнике, боюсь, это не к добру, – сообщила она мне вечером, когда мы случайно встретились у магазина.

Маринка туда за хлебом ходила, а я – за минералкой.

Из краткого донесения приятельницы-управдомши я сделала вывод о том, что коллеги полковника Лазарчука приняли нашу информацию к сведению и зашевелились. Это меня порадовало: не потому даже, что меня очень волновала судьба пропавшего квартиранта Ребровых, – просто приятно было, что в полиции с нами считаются. А то у Лазарчука есть такая гнусная манера – высокомерно игнорировать нас с Ирккой, почитая женский любительский сыск за глупую бабью блажь.

Срочным звонком я сообщила подруге, что друг-полковник пустил добытую нами инфу в дело, и мы решили, что на этом можем успокоиться. Пусть дальше профессиональные сыщики сами роют, им за это деньги платят.

Увы, человек предполагает, а Бог располагает. Высшие силы определенно не хотели, чтобы мы с подружкой взяли самоотвод, и дали мне это понять неожиданным ночным шоу.

Не знаю точно, с чего началась знаменитая Варфоломеевская ночь в Париже, а в нашем дворе ее версия стартовала с драматического шепота Катерины Чельшевой.

– Ах ты ж, сволочь! – прошипела она громко и страшно, как большая змея удав Каа, собирающийся пообедать упитанными бандерлогами.

Каткин самый крупный бандерлог зовется Василием и приходится родным отцом ее пяти деткам. Именно из-за наличия у них малолетних потомков Чельшевы вышли скандалить во двор – они всегда выясняют отношения за пределами своей квартиры, опасаясь морально травмировать отпрысков. А тут еще и час был поздний, дети уже улеглись в свои двухэтажные кровати, а их мамочка и папочка выдвинулись под дерево в центре двора.

Там у нас круглая клумба, на которой почти семьдесят лет рос превосходный ветвистый орех – любимый спортивный снаряд моего собственного сына в его детские годы. Потом орех спилили, и теперь вместо него могучий раскидистый побег, который управдомша Маринка считает деревом со странным названием Павловния. Я не уверена, что в итоге получится дерево. Сейчас это больше похоже на гигантский однолетник вроде борщевика или подсолнуха.

Но не суть важно. Главное, под сенью нового дерева пока невозможно уединиться и приватно поскандалить, так что семейная драма Чельшевых развернулась на глазах у соседей. А поглазеть было кому: на ночь все распахнули окна и, естественно, слышали Каткино интригующее шипение:

– Ах ты, с-сволочь, Вас-с-ська! С-с-совести нет с-с-совсем!

– Да я разочек всего... Ну, может, два... – Массивный Василий переминался с ноги на ногу, поворачиваясь к насакивающей на него тощей верткой супруге то одним боком, то другим.

При небольшом усилии воображения с них можно было писать охотничью сцену «Медведь, затравленный борзой».

– Я с-с-сколько раз тебе... Я прос-с-сила! Я умоляла! – В руке у Катерины появилось вафельное полотенце, захлеставшее по бокам Василия. – Продукты подорожали, на коммуналку еле наскребаем, детям зимнюю одежду покупать, а ты!

– Так я же как раз поэтому! – Василий увернулся, пропустив грозно свистнувшее полотенце мимо уха, и попытался схватить Катерину за локти. Не вышло – Катька отскочила, согнулась и ловко хлестнула супруга по бедру с заходом на ягодицы.

– А че он сделал, Кать? – пыхнув дымом, невозмутимо поинтересовался со своего балкона дядя Боря Трошин.

Он успел принарядиться – накинул поверх майки-алкоголички парадный красный пиджак из 90-х. Как в ложе театра устроился, право слово.

– Играл на деньги в шахматы! – доложила Катерина, даже не обернувшись на голос. Она продолжала сверлить Василия недобрый взглядом. – Опять! Хотя я ему уже с-с-сто раз... – Она снова сделала выпад, хлестнув супруга по филейной части.

– Ну хорош уже, Кать! – взмолился Василий. – Тем более я же выиграл!

– А мог и проиграть! – Полотенце засвистело, заметалось в ночи, белой молнии подобно.

– Сволочь! – охотно поддакнула, проявляя похвальную женскую солидарность, бабка Плужникова со своего третьего этажа и запулила в Челышева тем, чего публика не разглядела, а Василий принял на голову с отчетливым стоном.

– Чем это ты его, Светлан Петровна? – исторгнув очередной клуб дыма, меланхолично поинтересовался дядя Боря.

– Морковкой, мать ее! – плаксиво сообщил Василий, пока довольная своей меткостью бабка неинформативно хихикала. – Здоровой такой!

– Да не топчись ты. – Катерина его подвинула, деловито подобрала упомянутую морковку и сунула в карман фартука. – Теть Свет, а свеколки лишней нету?

– Пушай Васька встанет поближе, найду и свеколку, – пообещала бабка Плужникова.

– Борщ сварить, Кать? – добродушно спросил дядя Боря.

– Ага. На чьих-то мясных костях! – Катерина щелкнула зубами в сторону супруга.

– Да ну вас всех, – буркнул тот и по сложной кривой в обход жены с полотенцем и лобного места под балконом бабки со свеколкой юркнул в свой подъезд.

Катька, тиская в руках полотенце, устремилась за ним.

– Всё, что ли? – В голосе дяди Бори прозвучало легкое разочарование. Он явно настроился на полноценное представление из нескольких актов.

И не зря: ночное шоу только началось.

– Да отстань ты! – донесся до моего слуха страдальческий бас с другой стороны дома.

Я бесшумно, на цыпочках – муж и сын крепко спали – легким балетным галопом перебежала из одной комнаты в другую, чтобы выйти на балкон.

На соседнем уныло согнулся, свесив голову ниже плеч, Маринкин муж Семен Лосев. Локти он установил на парапете, а пепел с сигареты стряхивал между натянутыми веревками, игнорируя высокий риск испачкать, а то и прожечь вывешенные на просушку простыни.

– Это я отстань? Это ты отстань! – огрызнулась из квартиры невидимая Маринка.

Судя по звукам, она нервно мыла посуду. Я приготовилась к появлению на сцене второй разозленной женщины с вафельным полотенцем.

– Сам же ноешь: я толстый, мне тяжело ходить, у меня одышка и ноги болят! – передразнила Маринка супруга плаксивым клоунским голосом, звякая тарелками в такт своим словам. – А я жалею тебя! Корми полезной едой! Контролируй твой вес! А ты, с-с-с...

– Сволочь? – пробормотала я, вспомнив аналогичную реплику Катьки Чельшевой.

Но Маринка ее чуть переиначила:

– ...с-с-старый дурак!

– Чего это я старый? – обиженно буркнул Семен и покосился на меня. – Лен, я разве старый?

– Я бы другое спросила, – сказала я дипломатично. – Чего это ты дурак?

– Да! Чего это я дурак?! – развернувшись, с вызовом покричал получивший моральную поддержку Семен в открытую балконную дверь.

– А кто чебуреки жрал?! – Маринка высунулась ему навстречу из-за тюлевой занавески. – Огромные, жирные чебуреки, зажаренные до хруста?!

– Ум-м-м! – простонал Семен мечтательно.

– Я ему паровую запеканочку из обезжиренного творога, супчик протертый и сок сельдерея! – Маринка поглядела на меня и заломила брови – горестно, как Пьеро. – А он все не худеет и не худеет. Наверное, говорит, у нас весы сломались, все время одно и то же показывают. – Она свирепо оскалилась, перевела взгляд на мужа и рыкнула: – Навер-р-рное, это у тебя мозги сломались!

– Да я ж разочек всего... Ну, может, два, – незаметно уронив на улицу окурков, чтобы Маринка не связала его с поруганными простынями, примирительно протянул Семен.

Я заподозрила, что реплики им с Чельшевыми писал один сценарист.

– Иди уже, дурень, спать ложись. – Маринка вытолкала мужа с балкона и крикнула ему вслед: – Твой диетический кефир на столе, не холодный уже, можешь пить! – Она обернулась ко мне. – Ходит в парк и тайно жрет там чебуреки и шаурму, представляешь? Это с его-то холестерина и целым пудом лишнего веса!

– Ужас, – посочувствовала я обоим: и Семену с его лишним пудом и гиперзаботливой супругой, и самой Маринке с ее неразумным мужем.

Лосевы ушли в квартиру, и на краткий миг в мире стало тихо.

Потом со двора донеслось:

– Ах ты, с-с-с-с...

В третьей версии слово прозвучало непечатное.

Я мягкой рысью промчалась в другую комнату и с разбегу высунулась в окно. Чуть не перекинулась за подоконник – спасибо, подоспевший Колян удержал за талию.

– А что происходит? – спросил он, зевнув мне в ухо.

– Да много чего, ты уже два акта проспал. – Я, торча в окне, просканировала взглядом двор.

– Половых? – обнадежился супруг.

– Боевых! – Я шлепнула его по шаловливой ручке.

– Добрый вечер, Леночка! – приветливо помахала мне пожилая учительница Татьяна Васильевна из десятой квартиры.

Сразу видно – культурная женщина. Вышла на балкон аккуратно причесанная и с театральным биноклем.

– Теперь у нас Золотухины на арене, – правильно трактовав вопросительное выражение моего лица, охотно пояснил дядя Боря, со вкусом смоля очередную сигарку. – Что за ночь, а?

– Неблагоприятная, – вздохнула Татьяна Васильевна. – Луна в Скорпионе, а это грозит...

Чем и кому грозит Луна в Скорпионе, я так и не узнала: Золотухин снова матерно взревел, что вообще-то было странно.

Я толком не знаю, каким образом сей богатенький Буратино сколотил свой капитал, но все два года, что Золотухин живет в нашем доме, он старался выглядеть приличным человеком с достойными манерами. Скандалов не устраивал, матом не разговаривал, а что джипы свои вечно бросал во дворе как попало, так это не столько от бескультурья, сколько из-за недостатка водительского мастерства.

Мадам Золотухина, во всяком случае, точно не ас. Я однажды наблюдала, как она пыталась припарковаться у самого тротуара – елозила туда-сюда, залезла на газон, свалила бордюрный камень, опять сползла на дорогу вместе с пластом дерна и раздавленным пионом, широко размазала по асфальту грязюку и, в конце концов с треском провалив элементарное упражнение «параллельная парковка», бросила свой гламурный танк, как обычно, посреди двора.

Алиночка Золотухина – типичная блондинка из анекдотов: красотка с крутыми формами, губами уточкой и татуированными бровями. За все время, что они с мужем живут в нашем доме, она не только не подружилась, но даже толком не познакомилась с соседями. И не здороваются ни с кем! За что бабка Плужникова, наш всенародный мститель, с особым рвением осыпает ее мелким мусором. Причем злокозненно выбирает снаряды, которые наносят максимум вреда обретенной в дорогих бутиках и косметических салонах красоте: сочные красные помидоры, липкие сладкие персиковые косточки, раскисшие карамельки. Золотухин, спасая супругу от праведного гнева Светланы Петровны, пытался старуху задобрить, новые челюсти ей вставил за свой счет. Бабка Плужникова зубы приняла, но в отношении Алиночки не смягчилась.

Однако я отвлеклась.

– Ах ты, с-с-с... – раненым зверем взвыл Золотухин и мастерски, как Шекспир – венек сонетов, сплел затейливое словесное кружево из отборнейших матерных слов, каждое из которых крайне нелестно характеризовало его супругу.

– Ого! – оценил неожиданное богатство ненормативной лексики Колян. – Я даже не все слова понял. Что означает «лярва прошмандовистая», ты не знаешь?

– Вообще-то, изначально лярва – это из древнеримской мифологии: душа умершего злого человека, приносящая живым несчастья и смерть, а у славян в прошлом – злой дух, вселяющийся в женщину, превращая ее в распутницу. – Во мне некстати проснулся всезнайка-филолог, но я сделала усилие и снова усыпила его. – А тут, по-моему, все из контекста понятно. Похоже, Золотухин уличил свою мадам в измене.

– Сейчас прольется чья-то кровь, – предположил дядя Боря Трошин, нимало не уstraшенный обозначенной перспективой, и чиркнул спичкой, прикуривая очередную сигарету.

– А где там кто? – прокряхтела, опасно перегибаясь через перила, бабка Плужникова.

Ей было плохо видно сцену. Наш дом построен буквой «Г», и квартиры Золотухиных и Плужниковой расположены в одном крыле.

Золотухины скандалили на кухне. Свет был включен, а песочного цвета шторы задернуты, так что получилось подобие театра теней.

– В правом углу ринга – сам Петька, в левом – его благоверная, – любезно прокомментировал дядя Боря, облегчая понимание ситуации тем, кому достались не такие хорошие места в импровизированном зрительном зале. – Петро руками машет, трясется, кулаками грозит. Его мадам стоит столбом – растерялась, наверное. А, нет, за голову схватилась.

– Космы рвет? Убивается? – Бабка Плужникова свесилась за балкон, тряся своими собственными космами.

Их даже в темноте было прекрасно видно: Светлана Петровна кокетливо красит волосы натуральной хной, а она на чистую седину ложится дивным апельсиновым цветом.

– Ха, станет эта фифа волосы рвать! У нее же, небось, нарощенные, тыщ пятнадцать в салоне оставила, – хмыкнула снизу Катька Чельшева. Они с Василием вышли на шум и

снова заняли позицию под условным деревом, запрокинув головы, чтобы лучше видеть окно Золотухиных. Они держались за руки – помирились, стало быть. – А убиваться...

Она не закончила свою мысль – окончание фразы потонуло в истошном визге пресловутой фифы.

Глава третья

– А я те говорю, это она его убила, точно, – заявила бабка Плужникова, положила в рот абрикос, а потом шумно выплюнула во двор косточку.

– Да как бы она его убила? Она в одном углу стояла, он в другом, и между ними стол был, я же все видел, – возразил дядя Боря Трошин и глотнул что-то из стакана.

– Ну и что – стол? А она стрельнула и его убила! – предположил еще один наш сосед – насквозь проспиртованный дед Максим Иванович.

Он не успел увидеть трагедию Золотухиных своими глазами и теперь, не стесненный фактами, безудержно фонтанировал смелыми версиями.

– Выстрел мы бы услышали, – напомнил Василий.

– Не услышали бы, если пистолет с глушителем, – возразила ему Катерина.

Супруги Чельшевы чинно сидели во дворе на вынесенных из своей квартиры табуретках.

Народное вече собралось спонтанно, в колокола бить не потребовалось. Призывный звон, впрочем, вполне заменила собой сирена «Скорой», вся помощь которой в итоге ограничилась успокоительным уколом, сделанным жене Золотухина. То есть теперь уже вдове.

Самого Золотухина вынесли, накрыв с головой. И не сразу, а после приезда полиции.

– Да не было у нее пистолета, я же все видел. – Дядя Боря, помешавшийся во время трагедии в первом ряду, присвоил себе статус главного свидетеля и крепко за него держался.

– Что вы видели, Борис? Только тени, – рассудительно заметила Татьяна Васильевна. – Алина вполне могла прикрывать оружие своим телом.

– Да! За ее бюстом не то что пистолет – гранатомет свободно спрятать можно! – оживился Василий – и тут же сник, получив оплеуху от строгой супруги.

– А может, он сам помер? – с надеждой спросила Маринка Лосева, адресуясь непонятно к кому. Смотрела она при этом на старый тополь, сизым облаком темнеющий на фоне розового предраассветного неба. – От инфаркта. Разволновался, узнав об измене жены, сердце и не выдержало. Нам бы лучше, чтобы от инфаркта. – Она вздохнула. – Или от инсульта... А то начнется сейчас – опрос свидетелей, протоколы, поиск улик, проверка алиби...

Я не успела удивиться ее познаниям в специфике полицейской работы – помешало явление нового персонажа.

Дворник Герасим, насвистывая, вошел во двор с метлой на плече и замер, неожиданно для себя оказавшись в окружении бессонных граждан.

– Вы тут чего это? – спросил он озадаченно, оглядев народ на балконах и в окнах.

– Мы-то? Мы ничего, метеоритный дождь смотрели, как раз Персеиды пролетали, красиво – ух! – находчиво соврала наша управдомша и замахала руками, заморгала глазами, разгоняя народ по квартирам.

«Не хочет беспокоить пугающей информацией дворника, – поняла я. – Боится, что тот все-таки сбежит из нехорошего двора».

– Всё, всем спасибо, все свободны! – Маринка хлопала в ладоши, как в театре, и убралась из окна. Через секунду из другой его створки исчез и Семен, будто вытянутый пылесосом.

– Спокойной ночи, соседи, – зевнул дядя Боря и тоже скрылся в квартире.

– Увидимся утром, – исчезая, добавила Татьяна Васильевна.

– С теми, кто до него доживет, – оптимистично добавил Максим Иванович.

– Эй, кто тут косточками наплевал?! – осмотревшись, возмутился Герасим.

На третьем этаже громко хлопнуло – ретировалась бабка Плужникова.

Я проводила взглядом Чельшевых, потянувшихся в подъезд с табуретками наперевес, и тоже отошла от окна.

– М-м-м? Чем там все кончилось? – подняв голову с подушки, сонным голосом спросил Колян, променявший реалити-шоу на лишний час в объятиях Морфея.

– Думаю, только началось, – напрогочила я и рухнула в постель.

Надо было набраться сил. Чувствовалось – они мне понадобятся.

Традиционную детсадовскую побудку я проспала. Даже не услышала, как позавтракали, чем холодильник послал, и разбежались по своим делам муж и сын. У меня утро началось с переключки, которую попытался организовать Василий Челышев.

– Эй, соседи! Надеюсь, все живы? – бодро покричал он, встав посреди двора.

Соседи нестройно отозвались, бросив в окошко кто слово, кто взгляд, а кто и перезрелый огурец, разлетевшийся при ударе об асфальт фонтаном желто-зеленых брызг.

– Жаль, что живы все, – пробурчал, убираясь под козырек над подъездом Василий, заляпанный ошметками огуречной плоти.

Это был хамский прямой намек, на месте бабки Плужниковой я бы обиделась. Она так и сделала, бросив очередной снаряд на козырек, под которым спрятался грубиян.

– Баба Света, отбой воздушной тревоги! – Челышев запросил пощады и покричал с крыльца: – Вдовицу кто-нибудь проведаль?

Я посмотрела на окна Золотухиных. У них в кухне горел свет, хотя был уже белый день.

– Я те проведу! – Катька выглянула в окно со скалкой, погрозила ею мужу, и тот убрел в подъезд.

– Да Алиночке такую дозу успокоительного вкололи, что она, наверное, до вечера спать будет, – сообщила Татьяна Васильевна, отследившая ночное нашествие к Золотухиным специально обученных людей – ее двушка на том же этаже.

– А свет горит, а счетчик крутится, – вздохнула у своего окна наша рачительная управдомша. – Тетя Таня, вы, может, постучитесь к Алине?

– Не стоит, – высунувшись в окошко, отсоветовала я, – к ней сейчас и без нас постучатся, – и помахала зарулившей во двор машине, из которой вылез знакомый персонаж.

Старший лейтенант Касатиков, подняв взгляд на голос и увидев меня, произвольно перекрестился:

– Свят, свят...

– И тебе доброго утра, Максимушка! – отозвалась я с улыбкой Чеширского котика. – Заглянешь потом на утренний кофе? Я сделаю бутерброды с семгой и огурцом.

Шварк! Смачно взорвался у ног старлея Касатикова брошенный недрогнувшей рукой бабки Плужниковой упомянутый овощ.

– Ходят тут всякие!

– Туда! – Я указала Касатикову на нужный подъезд, и он без промедления воспользовался подсказкой, резво доскакав до крыльца, путь к которому по пятам за ним пунктирно отметили пятна ляпнувших на асфальт томатов.

Подгнивших, судя по цвету. Надо будет порадовать нашу старушку гранатометчицу – купить ей свежих овощей. А Маринку огорчить – сообщить, что причиной смерти Золотухина явно стал не инфаркт или инсульт.

Судя по утреннему визиту к вдовице опера, Золотухин ушел в мир иной не по доброй воле.

Дожидаясь Касатикова, я сварила кофе, налепила бутербродов и даже сделала шоколадный кекс в кружке, щедро намешав в тесто изюма и густо запорошив готовую выпечку сахарной пудрой.

Суровые мужчины – они же как дети. Любят сладкое и не замечают, как ими коварно манипулируют.

Старлей переступил мой порог опасно. Как в бандитское логово шагнул, право слово!

И чего боится, дурашка? Я же его накормлю, напою, а на лопату сажать и в печь совать не стану. Нет у меня таких, чтобы пришлось по размеру высокому широкоплечему оперу.

– Вот бутерброды, вот кофе. – Я поставила перед Максом тарелку и кружку. – Три ложки сахара, как ты любишь, положила и размешала. Как поживаешь, Касатиков? Давненько не виделись.

По выражению лица старшего лейтенанта можно было понять, что дни в разлуке не показались ему слишком долгими, но ничего такого он не сказал. Нарочно запихнулся бутербродом, чтобы не ляпнуть лишнего.

Привычно игнорируя демонстративную неразговорчивость полицейского товарища, я непринужденно набросала еще вопросов:

– Как там Алина? Причину смерти ее мужа уже установили? Кого подозреваете?

– В чем? – поперхнувшись и откашлявшись, спросил Касатиков.

– В убийстве Золотухина, в чем же еще.

– А с чего ты взяла, что его убили? – Старлей покончил с одним бутербродом и взял второй, держа его так, чтобы при необходимости моментально заткнуть себе рот.

Понятно, боится, что я выпытаю у него тайны следствия.

– А с чего бы иначе к вдове явился опер убойного отдела?

– А может, мы это... близкие знакомые! И я приехал выразить соболезнования! – нашелся опер и, очень довольный своей находчивостью, отсалютовал мне бутербродом.

– Что, правда знакомые? И близкие? Уж не с тобой ли Алина изменяла мужу?

– Конечно, не со мной! Совсем с другими! – возмутился Касатиков, не заметив, что попался в ловушку.

Я поставила локоть на стол, положила подбородок в ладошку и поморгала полицейскому простофилю:

– Рассказывай уже, не тяни! Сам же понимаешь, я все равно узнаю – если не от тебя, то от полковника или от девочек из вашей пресс-службы. И не спрашивай, зачем мне: я живу в этом доме и должна понимать криминогенную обстановку.

– Ладно. – Макс сдался и заел горечь поражения третьим бутербродом, а потом потянулся за кексом. – Обрисую тебе ситуацию, но только в общих чертах и не для передачи третьим лицам.

– Третьим – ни-ни, – пообещала я, подумав, что лучшая подруга – это же, считай, мое второе я. Значит, ей можно.

– Причина смерти гражданина Золотухина Петра Павловича – отравление.

– Чем?

– Сильнейшим на Земле органическим ядом. – Касатиков, нисколько не испортив себе аппетита упоминанием смертельной отравы, в три укуса слопал кекс, допил кофе, промокнул рот бумажной салфеткой и встал из-за стола. – И, предваряя твой вопрос: он принял его сам.

– Зачем?!

– Правильно было бы спросить – почему. – Макс отодвинул стул и пошел в прихожую. Уже влезая в оставленные там кроссовки, он назидательно договорил: – Вот до чего мужиков доводят неверные жены! А вы все спрашиваете, почему я никак не женюсь. Спасибо за завтрак, пока! – Старлей дернул дверь и шагнул на лестницу.

– До новых встреч! – с намеком покричала я ему вслед – чтобы не думал, будто отделается этой скудной информацией.

Закрыв дверь, я вернулась на кухню, скоренько перемыла посуду и устроилась на своем рабочем диване с макбуком, чтобы попытаться теперь уже Интернет. Какой органический яд самый сильный на нашей планете, я, к стыду своему, знать не знала. Упущение, однако.

Для поисковика сие тайной не было. Сильнейший на Земле органический яд – это ботулотоксин. Смертельная для человека доза – тридцать наногرامмов.

– Нанограмм – это одна миллиардная часть грамма, – просветила я Ирку по телефону. – А половины килограмма чистого вещества теоретически хватило бы, чтобы убить всех людей на планете, представляешь?

– Ничего себе, – впечатлилась подруга. – Надеюсь, этот яд очень редкий и население планеты может чувствовать себя в безопасности? Откуда он вообще берется?

– Его делают какие-то бактерии, я не запомнила их название.

– Спрошу по-другому: откуда его взял твой сосед?

– Понятия не имею! Но он был небедный мужик со связями, видать, нашел где разжиться смертельной отравой.

– Да-а-а... – Ирка помолчала, размышляя. – Вот интересно, почему полиция уверена, что это самоубийство? Разве не могла жена накапать ему яду в кофе или еще куда-нибудь?

Я вспомнила диспозицию, представленную в ночном театре теней имени скоропостижно скончавшегося Петра Золотухина, и уверенно заявила:

– Нет, не могла. Она в одном углу стояла, он в другом, и они разговаривали, вернее, он на нее орал, а потом вдруг резко замолчал – и тут она завизжала.

– То есть он орал, орал – и вдруг помер? А когда же принял яд? В процессе, между делом?

Пожалуй, из Ирки получился бы неплохой театральный критик. Такое внимание к деталям сюжета, такое чувство темпоритма!

Я попыталась представить финал трагической сцены.

Вот Золотухин, узнавший о неверности жены, в непарламентских выражениях клеймит ее позором. Алина молчит и то ли в ужасе хватается за голову, то ли готовится покаянно рвать на себе волосы. Петр же, вместо того чтобы предоставить последнее слово обвиняемой, как цивилизованный человек, или же попытаться ее придушить, как нормальный Отелло, нелогично комкает гневный монолог, самолично падая замертво.

Не складывается пьеса! Станиславский кричит: «Не верю!», Шекспир забрасывает актеров гнилыми помидорами, как бабка Плужникова.

– В принципе, Золотухин мог, конечно, закинуться ядовитой пилюлькой в процессе ора, но это как-то нелогично, – признала я. – По классике, должно быть наоборот. «Гертруда, выпей яду!» – и замертво падает неверная жена, вот это было бы естественное развитие событий.

– Согласна. – Ирка снова помолчала, сосредоточенно сопя, а потом слегка поменяла вектор. – Кстати, о павших замертво. Нет ли новостей о нашем трупе в мешке?

– С какой это стати он наш?

– Мы в ответе за тех, кого обнаружили! Особенно в мешке.

– Ага, особенно в виде трупа.

– Ну! Я реально чувствую ответственность! – Ирка добавила в голос драматизма. – А ты разве нет? По-моему, пора уже позвонить Лазарчуку и узнать, нашла ли полиция с нашей подачи хоть что-нибудь.

– Что, например?

– Например, Антона-Артема, живого или мертвого!

– Узнаю, пожалуй, – согласилась я. – Но не у полковника. Зачем из пушки по воробьям стрелять.

Сразу после того, как подруга, получив мое клятвенное обещание держать ее в курсе, положила трубку, я стала собираться на утреннюю прогулку.

А почему нет? Солнце еще не в зените, дворы у нас на районе тенистые – можно с приятностью прогуляться к участковому Румянцеву. Мы с ним неплохо знакомы, его отпрыск Вадик – приятель моего сына. В школьные годы наши потомки вместе бедокурили, что, собственно, и обусловило мои и мужа частые контакты с участковым.

Алексей Иванович сидел в своей хатке, потяя над бумагами.

Наш местный участковый пункт полиции выглядит очень лирично – беленый одноэтажный домик с зелеными деревянными ставнями и шиферной крышей. В таком, скорее, ожидаешь увидеть юного поэта Лермонтова, сочиняющего роман «Герой нашего времени», главу «Тамань», чем прозаического дяденьку средних лет, вымучивающего скучный полицейский отчет.

– Доброе утро, Алексей Иванович! – приветствовала я труженика пера, войдя в настежь распахнутую по причине усиливающейся жары дверь.

В поэтическом домике участкового, к сожалению, нет кондиционера.

– Привет, Елена Ивановна. – Участковый охотно отложил ручку, но предупредил: – Если ты по вопросу выявления факта очередного незаконного сброса мусора...

– То ты ничем не сможешь помочь, потому что бабка Плужникова – уважаемый ветеран тыла и может безнаказанно творить, что хочет, – кивнула я, непринужденно присаживаясь на низкий подоконник, потому что там было прохладнее, чем на стуле – в распахнутое окошко тянуло сквозняком. – Я по другому вопросу. Ты вчера приходил и искал пропавшего жильца Ребровых, Антона или Артема. Нашел?

– Во-первых, не Антона или Артема, а Андрея. – Румянцев похлопал ладонями по бумагам, сплошь покрывающим его стол, нашел под ними мобильный, вытянул его на свет божий, потюкал пальцем в дисплей и зачитал с экрана: – Андрей Витальевич Косоногов, одна тысяча девятьсот восьмидесятого года рождения, зарегистрирован по адресу улица Рогозина, десять... ну, это тебе не надо. Где он зарегистрирован, там и нашелся. Живой, здоровый, невредимый. Если не считать повреждением обширную плешь среди кудрей, но это его жизнь погрызла, как я понимаю. – Участковый усмехнулся и горделиво пригладил свой собственный седой, но непогрызенный ежик.

– Не поняла, – удивилась я. – Если он проживает по адресу регистрации, зачем снимает квартиру у Ребровых?

– Ну, Елена Ивановна, ты маленькая, что ли? Объяснять тебе... По адресу регистрации у этого самого Косоногова жена, теща, теща и двое детей.

– А! Ты намекаешь, что у Ребровых он свою тайную личную жизнь устраивал? – сообразила я. – То-то его почти не видно было, уж таился так таился... Значит, говоришь, он жив-здоров?

– А ты как будто этим недовольна?

– Да бог с тобой, я людям только хорошего желаю и вообще за мир во всем мире. – Я встала с подоконника. – Ладно, мерси за информацию, оставляю тебя с трудами твоими праведными.

– А говоришь – желаешь людям хорошего, – вздохнул участковый, неохотно возвращаясь к отчету.

Я неторопливо прогулялась дворами в обратном направлении и у наших воображаемых ворот снова встретила Маринку Лосеву. Она опять стояла там со списком и протянутой для пожертвований ладошкой.

– Золотухину на венки собираем, – увидев меня и упреждая вопрос, сообщила она и качнулась в сторону, преграждая путь нацелившемуся на калитку Максиму Ивановичу.

Несмотря на довольно ранний час, он явно успел принять на грудь и шествовал моряцкой походкой в развалочку, рискуя не попасть в проем между массивными квадратными колоннами. Калитка у нас довольно узкая.

– На Золотухина надо! – против ожидания, легко согласился Максим Иванович. – Такое представление вчера было! Петька заслужил цветы.

– Циничный вы, Максим Иванович, – упрекнула его управдомша.

– И щедрый! – ответил тот, широким жестом прилепив к ее ладони сторубливку.

Он прищурился, собрался, качнулся вперед и просквозил между Сциллой и Харибдой коварной калитки, лишь чиркнув плечом по одной из колонн.

– Вот как он через дорогу сейчас пойдет, а? – вздохнула Маринка. – Зеленый свет от красного не отличит, когда сам такой синий...

– Образно выражаешься, – похвалила я и тоже потянула из кошелька сторублевку. – Кстати, выяснила, как на самом деле зовут жильца Ребровых: Андрей.

– А фамилия его Косоногов, – кивнула Лосева. – Тоже знаю уже, у Инги Тимофеевны записаны его паспортные данные, она вчера ими со всеми официальными лицами поделилась – и со мной, и с участковым. Хотя для меня это уже лишняя информация, потому что Косоногов от нас съезжает. За прошлый месяц он Ребровым так и не заплатил, но они оставят себе сумму залога, так что все в порядке.

– Да шикарно, – сказала я, но не в связи с ее словами.

Засмотрелась на выплывающую со двора Элину Абрамовну Фунтову – роскошную пожилую даму, приходящуюся, как ни странно, унылой Маринке родной матушкой.

Шурша расписанными вручную шелками и звеня дизайнерскими браслетами, Элина Абрамовна приблизилась к нам. Дыша духами и туманами, она поинтересовалась низким голосом с эротичной хрипотцой:

– На что опять собираем?

– Тебе не нужно, мама, я за нас уже сдала, – отмахнулась Маринка.

– А я, по-твоему, уже не часть этой экосистемы? – обиделась Элина Абрамовна, картинно всплеснув руками.

Я опять засмотрелась – широкие рукава цветастой туники завихрились вокруг запястий языками пламени.

В суровый коронавирусный год, в самый локдаун Элина Абрамовна умудрилась найти персональное женское счастье и переселилась к своему прекрасному принцу, который хоть и немолод, зато обеспечен. Теперь мадам Фунтова радуется своим присутствием лишь изредка, навещая дочь и любимую внучку Настю, которая втайне от Маринки помогала бабуле в сердечных делах.

– Мама, ты неподражаема, незабываема и просто жизненно нам всем тут необходима!

– То-то же, – Элина Абрамовна приняла дифирамбы, презрев саркастический тон, и величественно уплыла за символические ворота, но в паре шагов от нас притормозила, чтобы небрежно бросить через плечо: – Заходил юноша, я дала ему ключи, он пошел собирать свои вещи.

– Какой юноша? – не поняла Маринка.

– Такой кудрявый, с лысиной, как там его... – Элина Абрамовна требовательно пощелкала пальцами, отгоняя склероз, но имя юноши так и не вспомнила. – Жилец Ребровых, теперь уже бывший, – и, удостоверившись, что новых вопросов у опешившей Маринки не возникло, прощально кивнула нам и поплыла дальше.

Управдомша, ожив, объяснила:

– Инга Тимофеевна попросила закрыть квартиру на оба замка. У Косоногова ключ только от верхнего, а у меня вся связка. Ребровы оставили, еще когда переселялись, на случай протечки водопровода, прочистки дымохода, проверки газового оборудования...

– Не надо подробностей, – попросила я.

Маринке только дай заговорить о проблемах содержания и ремонта вверенных ее заботам помещений, до самого вечера бухтеть будет.

Вручив управдомше сторублевку, я наконец вошла во двор, но не успела дойти до подъезда, как Маринка догнала меня и развернула к себе, дернув за руку.

– Что такое? – встревожилась я.

– Какой еще кудрявый и лысый?! – выдохнула она, испуганно тараща глаза. – У того Антона, который Артем, а на самом деле Андрей, аккуратная стрижка!

– Да нет же, у Косоногова кудри и плешь, мне участковый сказал. – Я попыталась ее успокоить.

– А я своими глазами видела – стрижка, канадка! – Маринка охнула. – Кому это мама ключи отдала? А ну как ворюге!

– Пойди посмотри, – предложила я. – Он же сейчас как раз в квартире, вроде вещи собирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.